

0-778723

На правах рукописи

ХИЛХАНОВА ЭРЖЕН ВЛАДИМИРОВНА

**ФАКТОРЫ ЯЗЫКОВОГО СДВИГА
И СОХРАНЕНИЯ МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ:
ДИСКУРСНЫЙ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**
(на материале языковой ситуации в этнической Бурятии)

Специальность 10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Барнаул – 2009

Диссертация выполнена на кафедре иностранных языков и общей лингвистики ФГОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств»

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Боргоякова Тамара Герасимовна
(ГОУ ВПО «Хакаский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»)

доктор филологических наук, профессор
Санжина Дарима Дабаевна
(ГОУ ВПО «Бурятский государственный университет»)

доктор филологических наук, профессор
Халина Наталья Васильевна
(ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет»)

Ведущая организация: **Институт лингвистических исследований Российской академии наук**

Защита диссертации состоится «16» июня 2009 г. в 10-00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.005.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет» по адресу: 656049, г. Барнаул, ул. Дмитрова, 66.

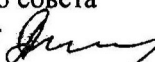
С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет».

Автореферат разослан « 8 » мая

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000528804

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент Н.В. Панченко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В новейшей истории исчезновение малых языков приобретает угрожающие размеры. По пессимистическим прогнозам, к концу XXI века на нашей планете может остаться менее десятой части существующих ныне языков. Задача лингвистов в связи с этим заключается не только в обеспечении лингвоохранных мер, таких как научное документирование малых языков (особенно исчезающих), создание нормативной письменности, словарей и грамматических описаний, но и в выявлении *условий и механизмов сохранения* или, наоборот, *исчезновения* малых языков.

На сегодняшний день ограниченность эвристических и эксплаторных возможностей традиционного анализа внешних детерминирующих факторов – этноязыковой политики государства, влияния модернизации и глобализации, соотношения между национальным большинством и меньшинством в стране, наличия или отсутствия институциональной поддержки – становится все более очевидной. Это не значит, что их нельзя учитывать вообще; речь идет о том, что сегодня, наряду с анализом объективных детерминирующих факторов, необходимо обратить внимание на изучение действия *субъективных, внутригрупповых факторов сохранения или исчезновения миноритарных языков*, оказывающих негативное воздействие на пользование титульным языком и постепенную утрату навыков владения им миноритарными этносами. Изучение *лингвистических особенностей* речи двуязычных говорящих в ситуации повседневного общения также дало бы сведения о механизмах и возможных путях развития двуязычных языковых ситуаций – одного из наиболее актуальных объектов исследования отечественной социолингвистики.

В представленной работе данная проблематика рассматривается на примере языковой ситуации в одном из национальных регионов Российской Федерации – этнической Бурятии, под которой в современной монголистике понимается регион компактного проживания современных бурят на территории РФ, включающий в себя Республику Бурятия (РБ), бывший Усть-Ордынский Бурятский автономный округ (УОБАО) (ныне часть Иркутской области) и Агинский Бурятский автономный округ (АБАО) (ныне часть Забайкальского края).

Актуальность избранной темы связана также с выявлением причин, почему повышение национального самосознания, национально-культурное возрождение и этническая мобилизация, принятие законов, дающих статус государственных титульным языкам в национальных республиках РФ, не гарантируют кардинального улучшения языковой ситуации. Не только научную, но и общественно-политическую значимость имеет и задача определения того, почему ситуация в национальных регионах РФ в период после мобилизованного лингвизма неодинакова, хотя меры поддержки миноритарных языков были приняты примерно в одни и те же годы. Выяснение этих вопросов является также необходимой предпосылкой рациональной языковой политики в отношении малых языков и их носителей на современном этапе развития любого многонационального государства, включая российское.

Объектом диссертационного исследования являются современная языковая ситуация в этнической Бурятии и условия, влияющие на положение, динамику и перспективы развития бурятского языка как миноритарного в ситуации национально-русского двуязычия. Социальным **объектом** исследования является взрослое трудоспособное бурятское население этнической Бурятии, терминологически обозначаемое нами как бурятская этническая общность или бурятская этническая группа.

Предмет исследования – комплекс детерминирующих данную ситуацию дискурсивных факторов, механизмов и следствий их действия. Анализируемые факторы и описание их функционирования разделены на три группы, каждая из которых представляет одно из направлений диссертационного исследования: 1) собственно лингвистические факторы, механизмы и следствия языкового сдвига; 2) внешние факторы – социолингвистические, социокультурные, социально-психологические и культурно-антропологические; 3) внутреннее – психолингвистические, субъективные и прагматические факторы; здесь же рассматривается фактор этнической идентичности, а также взаимосвязь этнического языка и культуры.

Под бурятским языком понимается язык бурятской нации во всех формах его проявления и существования; диалектная дифференциация, деление на подсистемы национального языка являются нерелевантными для целей нашего исследования. В работе рассматривается преимущественно современная этноязыковая ситуация в этнической Бурятии; дискурсивный аспект, включая историю со-

циолингвистической проблематики бурятского языка, присутствует в некоторых главах нашей работы, но не является основным. Как объект, так и предмет исследования изучаются преимущественно на коллективном, групповом уровне, т.е. данная работа относится к категории акросоциолингвистических.

Цель работы – выявление внешних, внутренних и собственно лингвистических факторов языкового сдвига и/или сохранения миноритарного языка на примере анализа сложившейся этноязыковой ситуации в одном из национальных регионов РФ – этнической Бурятии – и теоретико-методологическое обоснование и практическое применение дискурсного анализа как парадигмы социолингвистического исследования экспланаторного типа, определяющей, в свою очередь, выбор методологии, обозначаемой нами как дискурсивная социолингвистика.

Задачами исследования являются:

- критический обзор и типологизация существующих подходов к изучению языковых ситуаций с миноритарными языками и теоретико-методологическое обоснование продуктивности дискурсивного подхода в социолингвистическом исследовании экспланаторного типа;
- аналитическое описание современной и частично – диахронической двуязычной языковой ситуации на примере этнической Бурятии, тенденций и динамики ее развития с позиций достижений современной научной мысли по вопросам национально-языковых отношений;
- анализ лингвистических факторов, механизмов и следствий языкового сдвига на примере бурятско-русского двуязычия;
- рассмотрение внешних (социолингвистических, социокультурных, социально-психологических и культурно-антропологических) факторов, определяющих состояние и перспективы развития языковой ситуации с миноритарными языками на примере языковой ситуации в этнической Бурятии;
- анализ внутренних (психолингвистических, субъективных, прагматических и этноидентификационного) факторов выбора языка на примере бурятско-русского двуязычия; выявление значения и роли этнического языка в языковом сознании говорящих;

- выявление социолингвистических корреляций между владением формами обоих языков, интенсивностью их использования, «распределением» бурятского и русского языков по сферам общения и региональным и генерационным (возрастным) факторами;
- изучение взаимодействия этноязыковых и этнокультурных процессов, соотношения языковой и культурной компетенции в национальных регионах РФ, корреляции между владением этническим языком и художественными предпочтениями на примере современных бурят.

Гипотеза диссертационного исследования заключается в том, что поиск причин языкового сдвига или, наоборот, сохранения миноритарных языков должен осуществляться комплексно. При этом, помимо хорошо изученных социолингвистических факторов, таких как демографические, территориальные (оппозиция «город – деревня», «столица – провинция») и т.п., необходимо обратить внимание и на социокультурные, социально-психологические факторы и особенности этнической культуры. Механизм лингвистического приспособления носителей языка в условиях контакта разномошных языков должен также исследоваться не только на структурно-языковом уровне (в виде изучения заимствований), но и на речевом – в виде факторов и механизмов переключений и смешений кодов. Особого внимания заслуживают наименее изученные внутренние факторы, влияющие на состояние и перспективы миноритарных языков (психолингвистические, субъективные и прагматические, фактор идентичности).

Степень научной разработанности проблемы

В настоящей диссертации рассматриваются два блока смежных проблем: с одной стороны, соотношение языка и этничности, языка и культуры, проблемы национально-русского двуязычия и языковой ситуации в многонациональном государстве вообще и в Российской Федерации в частности. С другой стороны, избранная методология исследования данной социолингвистической проблематики, определяемая парадигмой дискурсного анализа, предполагает рассмотрение широкого круга вопросов, связанных с интерпретацией понятия дискурса, направлений и методов дискурсного анализа. Эта часть работы основывается на работах отечественных и зарубежных лингвистов: А.Е. Кибрика, А.А. Кибрика, Е.С. Кубряковой, Ю.С.

Степанова, В.И. Карасика, М.Л. Макарова, Н.Д. Арутюновой, Т.А. ван Дейка, Р. Водак, П. Серιο, Дж. Поттера и др.

Вопросы языковой политики СССР и языковой ситуации на постсоветском пространстве подробно рассматривались в работах В.М. Алпатова, В.А. Аврорина, В.И. Беликова, Т.Г. Боргояковой, А.А. Бурькина, Н.Б. Вахтина, Ю.Д. Дешериева, В.Ю. Михальченко, В.М. Солнцева и других социолингвистов.

Проблемы двуязычия и языков национальных меньшинств особенно интенсивно изучались и в западной социолингвистике, начиная с 1960-х гг. XX в. Различия между авторами определяются в основном их идеологическими позициями. Представители левых взглядов рассматривают проблему миноритарных языков в аспекте языкового и социального неравенства (Krauss 1992, 1999; Crystal 1999; Dorian 1998; Skuttnab-Kangas 2000). По мнению этих ученых, решающую роль в определении статуса языка играет *государство*, а точнее, *национальное государство*. Языковые ситуации являются следствием процесса создания государств и государственной национальной и языковой политики; так, согласно этой позиции, положение языков национальных меньшинств в пост-советской России – во многом следствие языковой политики советского государства.

«Вечная» тема социолингвистики – дву- и многоязычие – также чаще всего рассматривается в аспекте социального неравенства (Skuttnab-Kangas 1983; Laponce 1987; Edwards 1994; Trudgill 1983). Указанные авторы полагают, что большинство билингвов в мире *вынуждены* быть билингвами, поэтому вынужденное двуязычие – это социально самый важный и самый распространенный вид.

Значительная часть работ (Э. Хауген 1975, Laponce 1987; Trudgill 1983) посвящена проблемам языковой политики, в частности обсуждению различий принципов, лежащих в ее основе, а именно приоритета индивидуальных и групповых прав.

Проблеме языкового сосуществования бурятского и русского языков традиционно уделялось внимание и многими бурятскими лингвистами (см. работы С.М. Бабушкина, Т.П. Бажеевой, А.Р. Бадмаева, Т.А. Бертагаева, И.Д. Бураева, У.-Ж.Ш. Дондукова, А.А. Дарбеевой, Г.А. Дырхеевой, Д.Д. Санжиной, Д.Б. Сундуевой, Ц.Б. Цыдендамбаева, Л.Д. Шагдарова и др.).

В целом как отечественные, так и зарубежные лингвисты в большинстве своем исследовали либо внешний, социальный аспект языковых ситуаций с малыми языками, либо собственно лингвисти-

ческий – внутриязыковые изменения, происходящие с малыми языками в контакте с мажоритарным языком. Среди причин постепенного вытеснения бурятского языка русским также чаще всего называются внешние факторы, в основном относящиеся к недавней истории бурятского языка – истории советского периода: неоднократные смены письменности бурятского языка, перевод всех школ РБ на общесоюзную программу, когда бурятский язык не преподавался ни в вузах, ни в средних специальных учебных заведениях и т.д. (Бураев, Шагдаров 2004; Бабушкин 2005). В более широком контексте учеными называются такие негативные факторы, как дисперсное проживание и преимущество русскоязычного населения, языковая политика советского государства, которые привели к ослаблению культурно-языковой устойчивости бурят, утрате отдельных элементов этнической самобытности, к постепенной потере языка (Дырхеева 2005).

Безусловно, эти причины действительно оказали негативное воздействие на нынешнее бедственное положение бурятского языка. Однако нам представляется, что доминирующее положение русского языка в стране не обязательно предполагает упадок бурятского языка, хотя, конечно, эти два явления связаны. Исчерпывающего объяснения тому, почему этнические меньшинства, в частности в России, не задерживаются на стадии двуязычия, а перестают говорить на своих исконных языках и переходят на мажоритарный язык, пока нет.

На этом фоне особо следует остановиться на работах Н.Б. Вахтина, которые внесли значительный вклад в понимание процессов языкового сдвига, и в первую очередь включили в набор традиционно рассматриваемых детерминирующих факторов установки и деятельность самих акторов – носителей миноритарных языков и весьма убедительно рассмотрели их действие на примере языков народов Севера (Вахтин 1998, 2001; Вахтин, Головкин 2005).

В настоящем диссертационном исследовании автор в определенной степени продолжает традицию исследования особенностей существования миноритарных языков в России в условиях контактирования с русским языком и делает попытку внести дополнительный вклад в изучение данной проблемы путем теоретико-методологического обоснования и практического применения дискурсивного подхода.

Методологическая и теоретическая основа диссертации

Теоретическую основу диссертационного исследования составляют фундаментальные труды зарубежных и отечественных ученых в области социалингвистики, дискурсного анализа и смежных гуманитарных дисциплин, в которых рассматриваются различные аспекты проблемы языка и общества, языкового неравенства, дву- и многоязычия, языка и этничности, языка и культуры, языка и власти.

Диссертация основывается на общенаучных принципах познания общественных явлений: анализе, синтезе, индукции, типологизации, аналогии и сравнении; на диалектическом принципе взаимосвязи объективного и субъективного, принципе социального детерминизма, системного и сравнительного анализа. Используемый в работе дискурсивный подход как парадигма изучения реально функционирующих языков в широком социально-культурном контексте базируется на принципах междисциплинарности и эмпиричности, естественным образом воплотив стремление современной лингвистики к расширению границ своего объекта, предвосхищенное еще в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы, Р.О. Якобсона, Л.П. Якубинского, В.Н. Волошинова, М.М. Бахтина и др. Соответственно, как при построении гипотезы исследования, так и при интерпретации эмпирических данных мы в определенной степени опирались на разработки специалистов в области этнологии, культурной антропологии, этнопсихологии, социологии: Л.М. Дробижевой, М.Н. Губогло, В.А. Тишкова, Ю.В. Арутюнян, С. Московичи, К. Либкинд, Э. Гелльнера, Б. Андерсона и др. Большое значение имели лингвистические работы, посвященные изучению условий, механизмов и детерминирующих факторов выбора языка, в первую очередь работы Н.Б. Вахтина, Дж. Фишмана, а также теория этнических границ Ф. Барта.

Междисциплинарность данного исследования нашла свое отражение как в подходах к изучаемым феноменам, так и в методах и интерпретациях. В работе были использованы: 1) количественные и качественные социалингвистические методы – методы полевого исследования (анкетирование, включенное наблюдение, полуструктурированное интервью, интроспекция); 2) метод дискурсного (конверсационного) анализа, примененный к изучению дискурсивных факторов, механизмов и следствий переключения кодов в двуязычном дискурсе (разговоре); 3) методы статистической обработки материала (корреляционный анализ) и их содержательной интерпретации.

Основное внимание уделялось анкетированию как «наиболее надежному, рациональному и всеохватывающему способу сбора достоверного материала, требующему минимальные затраты времени на его сбор и обработку»¹. Инструментарий включал вопросы нескольких типов: социально-демографические, социолингвистические, лингвистические, этнопсихологические и культурологические. Этносоциолингвистическое исследование было проведено автором в 2004-2006 гг. на территории этнической Бурятии. Выборочная совокупность составила 714 респондентов, что считается достаточным для социологического исследования, тем более при использовании принципа квотной пропорциональной выборки.

Для анализа *переключений кодов* (далее – ПК) нами был использован качественный метод дискурсного анализа, смыкающегося с конверсационным анализом, поскольку только разговор (естественный диалог) может дать сведения об экстралингвистических детерминантах, структурных следствиях и механизмах ПК. Как известно, диалог представляет собой первичную и естественную форму человеческой коммуникации, а повседневное спонтанное общение, в отличие от более формализованных его видов, представляет собой основную форму существования языка (особенно миноритарного языка), которая позволяет судить о происходящих в нем актуальных процессах в отличие, например, от бурятской речи, которую мы слышим в театре или в СМИ.

Для обработки полученных при полевом исследовании данных использовались статистические методы обработки данных, где в качестве независимых переменных выступали такие социальные параметры, как возраст, место жительства, место рождения, пол, национальность, а в качестве зависимых – языковые явления (владение формами бурятского и русского языков, использование данных языков в различных сферах общения и др.).

Информационной базой исследования послужили:

- Результаты анкетного опроса взрослого трудоспособного бурятского населения этнической Бурятии, проведенного в 2004-2006 гг.

¹ Дырхеева Г.А. Бурятский язык в условиях двуязычия (история и современность, проблемы и перспективы): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Улан-Удэ, 2002. – С. 6.

- Целенаправленные (интервью) и случайные (в общественных местах) записи речи носителей бурятского языка.

- Транскрипты аудиозаписей речевых событий в комплексе с данными этнографического наблюдения. Объем речевого материала был определен в 9 образцов естественных (бытовых) диалогов разной тематики и протяженности, что составило 3 часа 24 минуты аудиозаписи.

- Материалы Всесоюзной переписи населения и Всероссийской переписи населения по Республике Бурятия и бурятским автономным округам за 1989 и 2002 гг.

Таким образом мы пытались сочетать достоинства каждого из методов: верифицируемость и математическая точность количественного метода и возможность «дать слово» актерам – самим говорящим.

Научная новизна исследования заключается в том, что:

- 1) в работе сделана попытка теоретической разработки и практического применения дискурсивного подхода к анализу языковой ситуации в одном из национальных регионов Российской Федерации с точки зрения детерминирующих ее факторов. Этот подход, терминологически обозначаемый как *дискурсивная социолингвистика*, заключается в использовании дискурсного анализа в качестве парадигмы социолингвистического исследования экспланаторного типа и предполагает изучение как «текста», т.е. двуязычного дискурса, так и «контекста», т.е. комплекса дискурсивных факторов;

- 2) разработана и апробирована *методология дискурсивной социолингвистики*, предполагающая определенный алгоритм действий и выбор методов. *Во-первых*, это аналитическое описание самой языковой ситуации с точки зрения релевантных социолингвистических параметров, представляющее собой исходный пункт для дальнейших размышлений о ее причинах. *Во-вторых*, сочетание количественных и качественных методов: анкетирование, интервью, интроспекция и анализ естественного диалога (разговора); при этом анкетирование дает необходимую точность, а анализ двуязычного дискурса «объективизирует» субъективизм данных анкетного опроса. *В-третьих*, данная методология предполагает анализ «внешнего» и «внутреннего» контекста. «Внешний» контекст составляют внешние дискурсивные факторы формирования языковой ситуации, «внутренний» – *языковое сознание* говорящего;

3) выделены в отдельную категорию исследования и рассмотрены на примере бурятского этноса группы *внутренних* (психолингвистических, субъективных, прагматических и этноидентификационного) и *собственно лингвистических факторов* (лексико-семантические (отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора); интер-дискурс и тема разговора; недостаточная языковая компетенция в миноритарном языке наряду с высокой языковой компетенцией в мажоритарном языке; частота использования мажоритарного языка; передача чужой речи);

5) теоретически обоснована необходимость апробации популярного в примордиалистском дискурсе, но редко подтверждаемого конкретными исследованиями на материале миноритарных языков тезиса о тесной связи языка, культуры и этничности, произведена эмпирическая верификация данного тезиса на примере бурятской этнической группы.

Теоретическая значимость работы.

Теоретическая значимость настоящей работы видится, во-первых, в обосновании применимости дискурсного анализа в качестве парадигмы, или дисциплинарной матрицы в социолингвистическом исследовании экспланаторного типа и выработке соответствующей методологии.

Во-вторых, теоретическая значимость работы связана с тем, что она посвящена анализу языковой ситуации и выявлению внешних (экстралингвистических), внутренних (психолингвистических, субъективных и прагматических) и собственно лингвистических факторов, определяющих динамику развития языковой ситуации в многоязычном сообществе, изучению особенностей связи языка и этнической идентичности.

В-третьих, данная работа представляет собой актуальный для социолингвистики синтез теорий и подходов современной западной социолингвистики и анализа дискурса с традицией изучения языковых ситуаций в отечественной социолингвистике.

Методологические и методические подходы к изучению данной проблематики и сами результаты исследования могут быть использованы при изучении условий формирования языковых ситуаций в национальных регионах России, для разрешения общих теоретических вопросов развития и функционирования языков в условиях дву- и многоязычия, позволят выявить общие и специфические осо-

бенности динамики развития миноритарного и мажоритарного языков в различных регионах РФ, могут внести вклад в теоретическую дискуссию о том, является ли язык значимым маркером этничности, и может ли связь языка с культурой быть выражена через другой (в данном случае русский) язык.

Помимо чисто научной ценности, полное понимание причин происходящего имеет и **практическую ценность** в плане языковой политики и планирования, а также, надеемся, будет способствовать осознанию значения личной ответственности и инициативы каждого члена языкового сообщества как залога сохранения и развития миноритарного языка. Материал, содержащийся в работе, может быть использован в дальнейших исследованиях, при формировании языковой политики, планировании и прогнозировании. Этнопсихологический и культурно-антропологический аспекты работы, в частности, понимание культурной детерминированности речевого поведения могут способствовать оптимизации вариативных моделей обучения в школах с контингентом учащихся – представителей традиционных культур.

Материалы диссертационного исследования использованы при разработке комплексной научной темы Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств «Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии», в курсе «Введение в социолингвистику», читающемся для студентов ФГОУ ВПО ВСГАКИ. Основные положения, выводы и данные социолингвистического исследования могут быть применены в дальнейшем при разработке учебных курсов по социо- и этнолингвистике, социологии, культурной антропологии, межкультурной коммуникации, регионального компонента вузовского и школьного образования.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Актуальная проблема выявления причин сохранения или исчезновения миноритарных языков требует на современном этапе развития языкознания рассмотрения ее в более широких дисциплинарных рамках, чем даже социолингвистика. Такую междисциплинарную основу может предоставить методология дискурсивной социолингвистики. Ее парадигмальные рамки, задаваемые таким междисциплинарным направлением лингвистики, как дискурсный анализ, характеризуются экспансионизмом, антропоцентризмом, функционализмом (неофункционализмом) и экспланаторностью,

что позволяет: 1) расширить традиционные для социалингвистики представления о связях языка и общества, т.к. удовлетворительное объяснение тенденциям развития двуязычной языковой ситуации может быть дано только при обращении к комплексу формирующих ее факторов; 2) анализировать двуязычный дискурс – естественный диалог (разговор) – для получения объективных (в отличие от анкетирования) сведений о степени владения обоими языками и предпочтениях использования их в речи, механизмах и структурных особенностях ПК.

2. Исходя из интерпретации дискурса как *текста, погруженно-го в социокультурный контекст, т.е. в реальную жизнь*, в методологию дискурсивной социалингвистики включается изучение как *текста* – в нашем случае двуязычного дискурса, так и *контекста* – комплекса дискурсивных факторов смены языка: 1) *внешних* (социалингвистических, социокультурных, социально-психологических и культурно-антропологических), 2) *внутренних* (психалингвистических, субъективных, прагматических и фактора идентичности) и 3) *собственно лингвистических* факторов (отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора), интер-дискурс и тема разговора, недостаточная языковая компетенция в миноритарном языке наряду с высокой языковой компетенцией в мажоритарном языке, частота использования мажоритарного языка, передача чужой речи). Данная методология предполагает также анализ характера взаимосвязи языка, культуры и этнической идентичности.

3. Методология дискурсивной социалингвистики в экспланаторном исследовании многоязычной языковой ситуации предполагает определенный алгоритм действий и выбор методов в зависимости от целей исследования и характеристик эмпирических дискурсов. *Во-первых*, это аналитическое описание самой языковой ситуации с точки зрения релевантных социалингвистических параметров; в нашем исследовании это степень владения формами исследуемых языков в диахроническом и/или синхроническом аспекте; использование того или иного языка в различных сферах общения в корреляции с наиболее значимыми социальными детерминирующими факторами: место жительства, возраст и язык обучения в школе. Выявление состояния языковой ситуации представляет собой исходный пункт для дальнейших размышлений о ее причинах. *Во-вторых*, сочетание количественных и качественных методов: анке-

тирование, интервью, интроспекция и анализ переключения кодов в двуязычном дискурсе (тексте). Анкета представляет собой субъективный, а анализ переключения кодов – объективный источник данных. *В-третьих*, анализ «внешнего» и «внутреннего» контекста. Под первым понимается изучение дискурсивных факторов формирования языковой ситуации. «Внутренним» контекстом является *языковое сознание* человека, что предопределяет включение в операциональное поле социолингвистического исследования ряда ментальных и когнитивных категорий, таких, как *интенции, знания, представления, речевые и поведенческие стереотипы, стратегии, интернализированные установки по отношению к языку собственной этнической группы, принятые в российском обществе конвенции и социальные нормы, массовые представления респондентов о родном языке и его важности для сохранения этнической идентичности*.

4. Нахождение регионов этнической Бурятии в составе РФ имеет следствием то, что объективные параметры языковой ситуации, доминирование русского языка во всех сферах общественной жизни не могут сильно измениться. Национально-культурное возрождение последних десятилетий проявляется в изменении *субъективно-детерминированных* параметров языковой ситуации, которые заключаются в изменении ценностных установок и общем позитивном отношении к этническому языку. Выбор языка и решение об активизации знания титульного языка детерминированы также и разнообразными когнитивными механизмами, локальными и возрастными стереотипами, стратегиями (преимущественно интегративной стратегией), принятыми в российском обществе социокультурными нормами и, наконец, привычкой и удобством коммуникации.

5. Для этнических групп со «слабой» идентичностью и лингво-ориентированной культурой язык не является диакритиком, и потеря языка не влечет за собой утраты этнической идентичности, хотя эмоционально-психологическая ценность родного языка в глазах респондентов высока. Связь «язык – культура» для таких этнических групп не является имманентной и может быть выражена посредством языка доминирующей группы, а культурный компонент этнической идентичности оказывается гораздо более устойчивым, чем языковой. В отношении таких этнических групп отсутствует

прямая и однозначная зависимость между степенью знания своего этнического языка и культурной компетенцией.

6. В ситуации длительного контакта разномоощных языков возникает разрыв между символическим и реальным уровнями отношения к миноритарному языку: в символическом аспекте данная связь трактуется в примордиалистском ключе, а в реальном носит инструментальный характер. Соответственно, фактор этнической идентичности, с одной стороны, способствует сохранению миноритарного языка как этнического символа, с другой – определяет предпочтение мажоритарного, ситуационно более выгодного языка. Амбивалентное отношение к языку обусловлено сильной трансформацией этничности национальных меньшинств РФ, в том числе и бурятской.

7. Перспективы развития языковой ситуации для миноритарного языка либо в сторону языкового сдвига, либо в сторону сохранения языка обусловлены также типом культуры данного этноса. Если культура, подобно бурятской, относится к типу коллективистской, характеризующейся большой степенью дистанции власти, приспособляющейся к внешним обстоятельствам и ориентированной на сохранение гармонии, то следствием является достаточно успешная адаптация этнофоров к новым общественным отношениям, в том числе и легкость языковой ассимиляции и сохраняющееся предпочтение мажоритарного языка.

8. Одним из наиболее значимых лингвистических следствий и механизмов языкового сдвига является тенденция к использованию дискурсивных маркеров из мажоритарного языка. Данный феномен трактуется в связи с глобальным противопоставлением субъективного и объективного в языке: в речи бурят-билингвов категория субъективности тяготеет к выражению на русском языке, т.е. явно или неявно выраженная в суждении дополнительная информация (сведения о характере зависимости между реальными явлениями, оценочная квалификация, локально-временная ориентация, а также метатекстовые связи) дается преимущественно на русском языке. На бурятском языке обычно выражается «объективная», пропозициональная информация. Поскольку этот факт сигнализирует о переходе к осмыслению действительности на русском языке, нами предлагается дополнение и детализация критериев определения языка-матрицы. На основании совокупности критериев (психолингвистических, социолингвистических и собственно лингвистиче-

ских) делается предположение о том, что бурятская этническая общность находится в стадии смены языка.

9. Результатом действия рассмотренных факторов является то, что в миноритарных языках может произойти перераспределение значимости выполняемых ими функций по сравнению с качественно иными периодами развития. В бурятском языке, к примеру, коммуникативная функция уступает сегодня место в иерархии функций символической, функция создания и поддержания идентичности также отходит в настоящее время на задний план, в то время как актуализируется функция этнической солидарности.

Апробация работы

Основные положения исследования нашли отражение в публичной лекции в рамках научной стажировки по программе изучения национализма в Центрально-Европейском университете (Будапешт, 2002), докладах и выступлениях на 8-й ежегодной всемирной конференции Ассоциации по изучению национальностей (ASN) в Колумбийском университете (Нью-Йорк, 2003), международной научной конференции «Россия – Азия: становление и развитие национального самосознания» (Улан-Удэ, 2005), международном симпозиуме «Образование, культура и гуманитарные исследования Восточной Сибири и Севере в начале XXI века. Байкальские встречи 5» (Улан-Удэ, 2005), межрегиональной научно-практической конференции «Язык и культура: Межкультурная коммуникация, лингводидактика [Текст]» (Улан-Удэ, 2005), Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы монголоведения (Санжеевские чтения-6)» (Улан-Удэ, 2006), Всероссийской научно-практической конференции «Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона» (Улан-Удэ, 2006), международном круглом столе «Европа – Азия» (Улан-Батор, 2008).

Основные результаты диссертации опубликованы в двух монографиях, а также ряде научных статей по проблеме диссертационного исследования. Апробация представлена публикациями общим объемом 40,3 п.л. Из них 9 статей общим объемом 5,7 п.л. опубликовано в реферируемых журналах.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, 5 глав, заключения, библиографии и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность исследуемой проблемы, определяется объект, предмет, цели и задачи исследования, формулируются гипотеза и положения, выносимые на защиту, излагаются теоретико-методологические основы и характеризуются источники исследования, определяется научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, приводятся сведения об апробации.

В первой главе «**Теоретико-методологические основы исследования. Понятия и термины**» рассматриваются теоретические подходы современной гуманитарной науки к интерпретации взаимодействий языка, культуры и этнической идентичности, роли языка в этнической идентификации, анализируются условия, механизмы и детерминирующие факторы языкового сдвига или сохранения миноритарных языков. Аналитическому обзору подвергаются также релевантные для нашего исследования термины и понятия, относящиеся к социолингвистике, психолингвистике и другим смежным наукам. В совокупность нуждающихся в комментариях лингвистических понятий и терминов входят: *языковая ситуация, языковой сдвиг, выбор языка, языковая личность, переключение кодов и заимствование, вкрапления, диглоссия и билингвизм, этнолингвистическая витальность* и др. Помимо них, рассмотрены используемые в работе понятия и термины из других дисциплин: *этническая идентичность, этническое самосознание, этническая группа, диакритик*.

Теоретико-методологическую основу исследования составили фундаментальные трудов отечественных языковедов, как тех, что заложили теоретическую основу, систему понятий и терминологию современной социолингвистики, так и тех, которые внесли значительный вклад в развитие современных лингвистических направлений: В.А. Аврорина, В.М. Алпатова, Н.Б. Вахтина, В.К. Журавлева, А.Е. Кибрика, Е.С. Кубряковой, В.Ю. Михальченко, Ю.С. Степанова и других. Также ввиду того, что количество фундаментальных исследований на тему связи языка и этничности, проблематике отношения к языку и языкового выбора, проблеме «язык и власть», языковых контактов и языкового сдвига на материале языков и языковых ситуаций на территории бывшего Советского Союза пока невелико, заявленный круг проблем рассматривается в данной главе преимущественно на западном, в первую очередь англо-

американском теоретическом и иллюстративном материале. Помимо классических работ Дж. Фишмана, Ч. Фергюсона, У. Вайнрайха, Э. Хаугена, в настоящем исследовании широко представлены разработки таких ученых, как Т.А. ван Дейк, Д. Кристал, М. Краусс, Т. Скуттнаб-Кангас и многих других.

В настоящем диссертационном исследовании принята позиция, согласно которой язык рассматривается как важный компонент этнокультурной идентичности, однако его важность варьирует в зависимости от конкретной ситуации и для некоторых групп является минимальной. Родной язык является решающим фактором для этнокультурной идентичности *в той степени, в которой члены этнической группы сами это определяют*. Наличие большого количества людей, не знающих не только языка, но и многих обычаев, традиций и прочих компонентов своей культуры, позволяет говорить о том, что речь идет об *основе культуры*, т.е. из многих составляющих культуры остается определенный набор *релевантных этнокультурных маркеров*, при которых этнокультурная идентичность сохраняется. Язык может быть, а может и не быть в числе этих маркеров.

В существующей лингвистической литературе можно выделить по меньшей мере две позиции по отношению к проблеме миноритарных языков. Согласно одной из них, исчезновение языков является неизбежным, естественным и необратимым процессом; современная тенденция языкового развития неизбежно приведет к унификации и резкому сокращению культурного и языкового разнообразия. Другие авторы, представители «зеленого» подхода, рассматривающие язык как право и как ресурс, называют такую позицию формой социолингвистического дарвинизма, настаивая на том, что языковая ситуация должна рассматриваться в широком контексте социального и политического распределения власти.

В целом, разделяя позиции «зеленого» подхода к проблеме языкового сдвига и положению миноритарных языков, мы тем не менее полагаем, что он может быть подвергнут критике за имплицитное предположение о том, что различия в положении языков являются в определенном смысле естественными, т.е. примордиальными, в то время как на самом деле они носят конструктивистский характер. Данному подходу присуща также некоторая идеалистичность: в частности, реализация провозглашаемого им принципа полного многоязычия вряд ли возможна в таком многоязычном государстве, как

Российская Федерация. Недостатком «зеленого» подхода является также его неполнота, ведущая к недостаточной экспланаторной ценности. Под неполнотой понимается то, что здесь не учитывается, может быть, основной фактор в плане витальности малых языков – человеческий фактор, под которым понимаются установки членов этнической группы по отношению к этническому языку и их речевое поведение.

В качестве альтернативы как «зеленому», так и «дарвинистскому» подходу в работе предлагается *дискурсивный подход* к изучению факторов и механизмов сохранения или исчезновения миноритарных языков, предполагающий рассмотрение всего комплекса *дискурсивных факторов*: внешних, внутренних и собственно лингвистических. Конечно, внутренние детерминирующие факторы зачастую являются производными от внешних: так, оценка статуса языка своей этнической группы как «низкого», препятствующая его употреблению, как правило, является результатом «второстепенного» положения его носителей по сравнению с демографическим большинством, сознательной политики государства или ее отсутствия, что, по существу, является тоже политикой. Тем не менее, существуют факты, не позволяющие однозначно трактовать внутренние факторы как производные от внешних.

К таковым относится, к примеру, разная степень языковой ассимиляции или, напротив, приверженности языку своего народа у этносов Российской Федерации, хотя языковая политика проводилась в советский период в равной степени в отношении всех нерусских национальностей. При этом некоторые из них (например, народы Северного Кавказа, якуты) довольно успешно сопротивлялись не намеренной, но тем не менее фактической языковой ассимиляции, в то время как многие национальности бывшего СССР, включая евреев, белорусов, поляков, алеутов и др., почти полностью переключились на русский язык. Так, по данным переписи 2002 г., 95,9% чеченцев владеют чеченским языком, несмотря на неблагоприятные внешние факторы – языковую политику СССР, длительное военное противостояние. Следовательно, столь благополучная языковая ситуация среди чеченцев может быть отнесена только на счет внутреннего фактора.

В то же время язык может утрачиваться даже при относительно благоприятных внешних факторах, как это было с ирландским языком. Несмотря на неформальную, а потом формальную языковую

политику, направленную на уменьшение потери языка, реальность ирландского языка как быстро утрачивающегося языка теперь совершенно очевидна. Причина не только в том, что ирландский язык является скорее символом, а не реальным средством коммуникации, но и в том, что не язык, а религия является для ирландцев основой этнической идентификации.

Соответственно, искать причины витальности или, наоборот, утраты языка следует также и в том, какое место он занимает в структуре этнической идентичности и даже в ее природе. Картина языковой ассимиляции нерусских народов бывшего СССР позволяет предположить существование этнических групп с «сильной» и «слабой» идентичностью, во-вторых, наличие более или менее лингво-ориентированных культур. Группы с сильным ощущением и осознанием своей этнической идентичности, также как и лингво-ориентированные культуры, имеют более крепкие связи с языком своей этнической группы, в то время как группы со «слабой» идентичностью, меньше придающие значение языку, легче ассимилируются и расстаются со своим языком, однако первое не обязательно предполагает второе.

Во второй главе **«Дискурсный анализ как парадигма социолингвистического исследования. Методология дискурсивной социолингвистики»** дается теоретическое обоснование применимости дискурсного анализа в качестве парадигмы, или дисциплинарной матрицы социолингвистического исследования экспланаторного типа, продиктованное двумя основными соображениями: *во-первых*, убеждением, что необходимо расширить традиционные для социолингвистики представления о связях языка и общества; *во-вторых*, необходимостью анализа живого речевого материала для получения *объективных*, в отличие от анкетирования, сведений о степени владения обоими языками и предпочтениях использования их в речи, механизмах и структурных особенностях ПК в двуязычном дискурсе.

В данной главе представлены также интерпретации понятия дискурса, описаны направления современного дискурсного анализа, дана принятая в работе инвариантная интерпретация понятия дискурса, в которой, на наш взгляд, хорошо отражена как языковая, так и «внеязыковая», но непосредственным образом явленная в языке окружающая действительность – значение его как *текста, погруженного в социокультурный контекст, т.е. в реальную жизнь*, что

может быть выражено краткой формулой «дискурс = текст + контекст»². Это понимание дискурса включает в себя и более узкое значение дискурса, используемое в настоящей диссертации в тех местах, где речь идет об анализе разговора, или спонтанной устной речи с переключением кодов, в транскрибированном виде представленной как совокупность двуязычных текстов, составляющих, таким образом, бурятско-русский двуязычный дискурс.

Использование методологии дискурсивной социолингвистики в макросоциолингвистическом исследовании должно опираться на аналитическое описание *языковой ситуации* с точки зрения релевантных социолингвистических параметров, что представляет собой исходный пункт для дальнейших размышлений о ее причинах. Определение "дискурсивная", тем не менее, вносит новый методологический компонент, отличающий предлагаемое новое направление от социолингвистики и позволяющий эффективно исследовать именно причины той или иной языковой ситуации. Этим новым компонентом является эксплицитное утверждение о необходимости изучения и *текста* (в нашем случае двуязычного дискурса), и *контекста*. Необходимость изучения процессов ПК в двуязычном дискурсе предопределило наше обращение к специальному направлению, занимающемуся анализом бытового диалога и представляющем собой сложившуюся лингвистическую дисциплину – конверсационный анализ. В работе рассмотрены истоки, примеры конверсационного анализа и возможности его приложения к новому, специфическому объекту – двуязычному дискурсу.

Языковая личность формируется в определенном социокультурном пространстве, т.е. определяется демографическими, территориальными, социокультурными, социально-психологическими, культурно-антропологическими факторами. Эти дискурсивные факторы представляют собой «внешний» контекст. «Внутренним» контекстом является *языковое сознание* человека; изучение языкового сознания предопределяет включение в операциональное поле социолингвистического исследования ряда ментальных и когнитивных категорий, таких, как *интенции, знания, представления, речевые и поведенческие стереотипы, стратегии, интернализованные*

² Трошина Н.Н. Социокультурные параметры дискурса / Н.Н. Трошина // Социолингвистика вчера и сегодня: сб. науч. трудов. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – С. 107-131. – С. 109.

установки по отношению к языку собственной этнической группы, принятые в российском обществе конвенции и социальные нормы, массовые представления респондентов о родном языке и его важности для сохранения этнической идентичности.

В данной главе также дается подробное описание и обоснование выбора использованных в диссертационной работе количественных и качественных методов. На наш взгляд, наиболее эффективным для достижения целей и решения задач исследования, носящего экспланаторный характер, является сочетание традиционных для социолингвистики количественных и широко используемых в дискурсном анализе качественных методов.

В главе III **«Языковая ситуация в этнической Бурятии. Лингвистические факторы, механизмы и следствия языкового сдвига»** дается диахронический срез языковой ситуации в данном регионе в период начиная с 1988-1990-х гг. (использованы данные социолингвистических обследований, проведенных социолингвистической группой отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН и Г.А. Дырхеевой) по 2004-2006 гг. (исследование автора). Особое внимание обращено на анализ таких объективных социальных факторов, как сферы общения, семья и школьное образование.

Исследование показало, что в настоящее время, когда в истории послереволюционного развития бурятского языка после периода сначала подъема в 1920-1930-е гг., затем его постепенной деградации, продолжавшейся до 1990-х гг. и, наконец, после периода мобилизованного лингвизма, произошли определенные изменения. В определенной степени изменились *объективные* параметры языковой ситуации, описанные и в работах других бурятских социолингвистов. Степень владения бурятским языком продолжает ухудшаться. Сохраняется разница в знании и употреблении бурятского языка между восточными и западными бурятами, сельскими и городскими жителями, старшим и младшим поколением бурят, а также между языковым и речевым уровнями, т.е. между *знанием* языка и его *употреблением*. С точки зрения языковой ассимиляции можно констатировать наличие двух полюсов, на одном из которых – более урбанизированные и русифицированные жители столицы Бурятии и УОБАО, на другом – обладающие противоположными характеристиками жители АБАО и сельских районов Бурятии. В эту же схему укладывается и первичная социализация детей.

Сравнение письменных и устных форм владения бурятским языком разными поколениями позволяет сделать вывод, что корреляция навыков понимания и говорения на бурятском языке с возрастом респондентов прямо противоположна такой же корреляции с навыками чтения и письма. То, что старшее поколение хорошо понимает и говорит по-бурятски, объясняется тем, что они в большинстве своем выросли в бурятскоговорящей среде. В развитии навыков чтения и письма решающую роль играет образование, и плохое владение этими навыками старшим поколением и хорошее – молодежью явно следует отнести в первую очередь на счет государственной языковой политики, в первую очередь в сфере образования, и только во вторую – на счет сделанного их родителями в отношении своих детей выбора языка. Для понимания же и тем более говорения в первую очередь необходима живая традиция, но, поскольку она не была передана в полном объеме следующим поколениям, мы наблюдаем языковой сдвиг в области владения устной формой бурятского языка молодежью.

Собственно лингвистические причины перехода с одного языка на другой рассматриваются в параграфе 3.2. в виде переключения кодов (ПК). Отмечается, что, в отличие от заимствований, собственно лингвистических причин ПК не так уж много; большинство из них лежит за пределами «чистой» лингвистики.

«Классическим» фактором ПК является тема разговора. При диглоссии, типичной для многих двуязычных языковых ситуаций с функционально неравнозначными языками, переход с семейно-бытовой или религиозной темы на официально-производственную является фактором ПК с миноритарного на мажоритарный язык. При этом следует обратить внимание на механизм *когезивно-когерентной инерции* говорения: тема имеет большие шансы быть продолженной на том языке, на котором были высказаны ключевые для нее слова. Можно сказать, что в определенном смысле слова, относящиеся к официально-производственной сфере, являются триггерами и обусловленное ими переключение кодов подкрепляется экономией речевых усилий.

Более детальное объяснение механизма тематически обусловленного ПК может дать дискурсивный подход, а именно интерпретация дискурса в понимании М. Фуко. Известно, что специализация человеческого знания, существование юридических, экономических и других дискурсов, выработанных соответствующими

щими институтами, компенсируется интегративными элементами дискурса, в результате чего возникает *интер-дискурс*, который обеспечивает взаимопонимание в обществе. В многонациональных обществах, каковым является Россия, на взаимодействие институциональных сфер между собой накладывается фактор многоязычия. Генератором и активным транслятором интер-дискурса являются система образования и СМИ. Если многие члены этнической группы получили образование на мажоритарном языке и постоянно живут в иноязычном окружении, то частота говорения на мажоритарном языке, отсутствие обозначений новых реалий на миноритарном языке ведут к появлению речевой привычки, закреплению паттернов категоризации мира на мажоритарном языке.

В результате интенсивных контактов разномошных языков возникает недостаточная языковая компетенция в Я_а³ наряду с высокой языковой компетенцией в Я_б, в результате чего происходит постепенная замена даже базового вокабуляра иноязычными единицами в том числе и потому, что русскоязычные лексемы воспринимаются уже как немаркированные, нейтральные, в то время как их эквиваленты на родном языке – как этнически маркированные (например, лексема «друг» вместо бурятского эквивалента *нухэр*). Здесь действует также то, что мы назвали *принципом первичности номинации*: вторичность калек (напр., *арбан дабхар гэр* вместо «десятиэтажка») хорошо ощущается билингвами, обладающими достаточной языковой компетенцией в Я_б. Для таких билингвов выбрать лексическую единицу на языке-оригинале легче и естественней, чем калькированный вариант, т.е. в первом случае выбор языка является стилистически немаркированным, а во втором – маркированным. Употребление маркированных единиц всегда сопряжено с большими речевыми усилиями и интенциональностью (например, сознательным подчеркиванием этнической принадлежности), и при отсутствии последней говорящий не будет выбирать маркированный языковой вариант.

³ Я_а обозначает язык-реципиент, в то время как Я_б – это язык-донор (в случае вкраплений – вставляемый язык). Обозначения Я_а и Я_б предпочтительнее обозначений Я1 и Я2, т.к. последние предполагают, что некий язык является первым, а некий вторым, в то время как в отношении многих языков это может быть по-разному. Зачастую оба языка – миноритарный и мажоритарный – усваиваются одновременно, и как тот, так и другой язык может быть первым, хотя, безусловно, первым бывает чаще всего этнический язык.

Более высокая компетенция в Я₆ ведет к тому, что говорящие неосознанно «соскальзывают» к нему как к языку, который они знают лучше. В лингвистической литературе подобное неосознанное ПК определяется как *momentary inclination* – появляющаяся в определенный момент и часто неосознаваемая склонность к использованию того или иного языка, обусловленная просто билингвизмом говорящих (Проценко 2004). Другие факторы, такие, как автоматизированность речевого навыка, задействованы и в этом механизме ПК.

Любая передача чужой речи, произнесенной на другом языке, также выступает как фактор ПК. Для билингва проще и естественней передать чужую речь в ее первоначальном виде, чем переводить ее на свой национальный язык.

Лингвистическим следствием и одновременно механизмом языкового сдвига является закономерность, которую можно сформулирована в следующих терминах: в речи бурят-билингвов дополнительная информация (сведения о характере зависимости между реальными явлениями, оценочная квалификация, локально-временная ориентация, а также метатекстовые связи), выраженная дискурсивными маркерами, дается преимущественно на русском языке. На бурятском языке обычно выражается «объективная», пропозициональная информация. Это явление может представлять собой одно из первых звеньев в механизме языкового сдвига, переход к осмыслению действительности на русском языке.

В главе IV «Языковая ситуация в этнической Бурятии и ее внешние детерминирующие факторы» рассматривается степень влияния на языковую ситуацию внешних, экстралингвистических факторов: социальных / социолингвистических, социокультурных, социально-психологических и культурно-антропологических.

В рамках социолингвистической парадигмы анализируются вопросы влияния на выбор языка сферы общения, семьи и школьного образования. Бурятский язык остается конкурентоспособным в семейно-бытовой сфере и доминирует в религиозной. Промежуточный между первичной социализацией в семье и последующей взрослой жизнью этап – школа – по большому счету не оказывает влияния на употребление бурятского языка и не в состоянии переломить неблагоприятную языковую ситуацию в этнической Бурятии.

Модели речевого поведения взрослого человека дома, в семье и вне ее формируются различными обстоятельствами. В общественно-производственной сфере давление внешних факторов является определяющим. Семейно-бытовая сфера является более устойчивой к этому давлению: объем общения на бурятском языке сохраняется примерно на уровне общения в семье до школы, но также с тенденцией к уменьшению. Соответственно, дальнейшее использование бурятского языка в семье является по сути трансляцией приобретенной в детстве языковой компетенции, что еще раз свидетельствует о важности межпоколенной передачи языка и создания языковой среды хотя бы в рамках семьи. Тем не менее, употребление бурятского языка уменьшается на порядок от поколения к поколению. В целом полученные данные в сравнительном аспекте говорят о четкой тенденции к уменьшению количества активного общения респондентов с представителями всех поколений на бурятском языке, неуклонном выходе бурятского языка из активного употребления, недостаточной эффективности мер по его возрождению, но также и о выборе, сделанном членами бурятской этнической общности относительно языка коммуникации.

Социокультурные факторы языковой ситуации рассматриваются нами как базовые по отношению к социально-психологическим и социолингвистическим факторам и метафорически могут быть обозначены как «давление» окружающего социума. К числу социально-психологических факторов, способных пролить свет на изучаемую проблему, следует отнести социальные восприятия и атрибуции, установки (особенно интернализованные установки по отношению к языку собственной этнической группы), особенности процесса социализации (в частности, языковой социализации), социальные нормы, роли и ролевые стереотипы, принятые в обществе конвенции. Если использовать терминологию Н.Б. Вахтина, эти две группы факторов можно обозначить как мотивацию ожидания «чужих» (престижа) и ожидания «своих».

В Бурятии ожидания «чужих» в отношении языка существовали, пожалуй, только в городской среде и сопровождали процесс социокультурной модернизации бурят. Мы разделяем мнение С.Д. Батомункуева, что интеграция в российские образовательные и культурные системы отвечала интересам как отдельных людей, так и бурятского общества в целом, что неизбежно было сопряжено с непредсказуемыми для бурятского языка последствиями. Русский язык,

благодаря его социокультурной роли в бурятском обществе с его диалектной пестротой,⁴ фактически стал выполнять функцию языка общения разнодиалектных бурят (Скрынникова, Батомункуев, Варнавский 2004). К 1950-60-м годам многие буряты настолько интегрировались в российские образовательные и культурные системы, что русский язык стал для них более адекватным для выражения своих мыслей, чем бурятский, функциональная ограниченность которого стала к тому времени очевидной. Но, если фактор давления окружающего социума сейчас несколько потерял свою актуальность, то фактор *привычки и удобства коммуникации* сохранился.

В это же время возник и стереотип, ассоциирующий старшее поколение и этнический язык с отсталостью и молодых – с прогрессом и русским языком. Смена стереотипа произошла, как и в целом по стране, примерно в 1980-х гг., когда этнические меньшинства осознали масштабы своей ассимиляции, включая и языковую. С этого момента у старшего поколения бурят, родившихся в 1930-1940-х гг. XX в. и прошедших через все этапы отношения общества к титульному языку, существует два стереотипа одновременно: негативный, оценивающий свой язык как «мало пригодный для жизни» и позитивный, заставляющий их декларировать его ценность. Негативный стереотип ушел в тень, но продолжает действовать на подсознательном уровне, о чем свидетельствует то, что старшее поколение по-прежнему мало говорит с детьми и внуками на бурятском языке. Это говорит о чрезвычайной устойчивости ментальных моделей, сформировавшихся в период становления личности.

В настоящее время стереотип, ассоциирующий бурятскую речь с «головарством»⁴, не исчез, а трансформировался: если владеющая титульным языком сельская молодежь демонстрирует тенденцию к предпочтению русского языка бурятскому, то не владеющая языком городская молодежь жалеет о незнании титульного языка и даже пытается говорить на нем хотя бы на уровне отдельных слов и фраз. Причина такой разницы в речевом поведении нам видится в более отчетливом осознании дивидендов от хорошего знания русского языка у сельской молодежи на фоне того, что сельчане в целом хуже владеют им, чем горожане. Для последних, в совершенстве вла-

⁴ Лексемы «головар», «дондок» имеют значение 'бурят – выходец из сельской местности, выдающий свое происхождение речью, манерой поведения, одеждой и т.д.' и имеют сильную пейоративную окраску.

деющих русским языком, такая проблема не стоит, и тяга к бурятскому языку городской молодежи объясняется мотивацией идентичности, поскольку функциональной пользы от владения им они не видят. Здесь играет роль также и изменившиеся отношения к этническим культурам и языкам в современном обществе.

Тот факт, что почти половина опрошенных молодых людей заявила об использовании бурятского языка в дацане и культовых местах, а также данные об уровне владения языками в генерационном аспекте свидетельствуют о том, что определенное знание языка у этой возрастной группы имеется, но активизировать его они считают нужным только в этой сфере. В данном случае мы наблюдаем воздействие на речевое поведение молодежи сильного стереотипа речевого поведения в зависимости от сфер общения, срабатывающего вне зависимости от знания языка: в дацане пытаются говорить по-бурятски даже те, кто плохо говорит на нем, а в официально-производственной сфере не говорят по-бурятски даже те, кто хорошо говорит на нем.

Регуляция речевого поведения индивида и группы осуществляется также посредством выработанных в обществе и группе *социокультурных норм*. Респондентами многократно упоминалось то, что резкий переход от бурятского языка к русскому обуславливается переездом в город. Восприятие города – и в прошлом, и в настоящем – как пространства русскоязычного, а села – бурятскоязычного – восходит к началу процесса социокультурной модернизации бурят в 1920-х гг. XX в., когда в коллективном сознании бурят был заложен этот паттерн, что в городе нужно говорить по-русски, а речевое поведение бурят в городе стало конвергентным, причем конвергенция является тотальной: это не попытка приспособить свое речевое поведение к потребностям русскоязычного слушающего на частных уровнях – более «чистое» произношение, использования самоперевода и т.д. – речь идет о полном переходе на русский язык. Первоначально используя в официально-производственной сфере с сохранением бурятского языка для семейно-родственного и неформального общения, эта модель речевого поведения постепенно распространилась и на семейно-бытовую сферу.

Помимо конвергенции, доминирование русского языка в официально-производственной и частично и в семейно-бытовой сферах свидетельствует о предпочтении бурятской этнической группой *стратегии интеграции* в контакте с русскоязычным большинством,

если рассматривать поведение бурят с точки зрения выделенных Д. Берри альтернативных стратегий культурного взаимодействия, открытых меньшинствам в межгрупповом контакте с большинством (Berry 1990). В пользу стратегии интеграции говорит то, что буряты не отказываются от культурного наследия своего этноса, поддерживают идентификацию со своей этнической группой; обладают необходимыми культурными навыками (в данном случае знанием языка доминирующего большинства) для того, чтобы интегрироваться в общероссийское общество, и сделали выбор, а, точнее, перераспределили персонально релевантные этнокультурные маркеры. Как правило, этнический язык находится в числе таких маркеров для индивидуумов, которые усвоили его автоматически в силу своего сельского происхождения и стали в результате интеграции двуязычными личностями с бикультурной идентичностью – явление, типичное для России. Для тех, у кого бурятский язык не входит в число этих маркеров – опять же в силу того, что им не довелось родиться в бурятскоговорящей среде – следствием является также распространенная ситуация, когда у человека чаще всего нет сомнений в его принадлежности к бурятскому этносу при незнании этнического языка.

Помимо рассмотренных выше факторов, на языковую приверженность этнической группы оказывают влияние и исторически сформировавшиеся особенности той или иной культуры. Тип бурятской культуры как коллективистской, характеризующейся большой степенью дистанции власти, приспособляющейся к внешним обстоятельствам и ориентированной на сохранение гармонии, сформировал определенные ментальные программы, действующие, как любой когнитивный механизм, в основном на неосознанном уровне. Эти программы обусловили достаточно быструю адаптацию бурят к новым общественным отношениям, сложившимся после Октябрьской революции 1917 г., в том числе и легкость языковой ассимиляции и сохраняющееся предпочтение русского языка. В других терминах, бурятский этнос обладает «слабой» идентичностью и не-лингвоориентированной культурой. Безусловно, другие этнические культуры и их «основные культурные ценности» могут задавать, соответственно, и другие ориентиры в плане сохранения или исчезновения этнического языка.

В главе V «Внутренние факторы выбора языка. Язык и культура» аналитическому рассмотрению подвергаются четыре

основных фактора: 1) психолингвистические; 2) субъективные; 3) представления респондентов относительно связи языка и этнической идентичности; 4) прагматические. Отдельно рассматриваются также принципы и критерии определения языка-матрицы для бурятской этнической группы и дается эмпирическая верификация тезиса об имманентной взаимосвязи этнического языка и культуры.

Механизм действия психолингвистических факторов ПК показан на примерах микротекстового уровня и описан в терминах автоматизированности речевого навыка, связанной с частотой употребления русского языка, недостаточной языковой компетенцией в Я_а и экономией речевых усилий. В таких случаях, как, напр.: «Тэрэ бээз, аһаа? Үзэлэй гоё нэгэнүүд юун... ('вот это, ага? Очень красивые это...') как же называется... забыла», где говорящий переключает код, несмотря на наличие у русских слов бурятских эквивалентов, действует неосознанный механизм ПК, когда говорящий использует те слова, которые первыми приходят ему на ум, лежат ближе в поверхностной структуре памяти и поэтому легче вспоминаются. А это происходит ввиду автоматизированности речевого навыка, соединенной с экономией речевых усилий и привычкой говорения на русском языке, что также тесно связано с принципом *экономии речевых усилий*. Другими словами, у бурят-билингвов «включены» оба языка и (поскольку основная часть лексем в нашем корпусе текстов все-таки на бурятском) двуязычные буряты обращаются сначала к лексикону бурятского языка, но его явно не хватает, поэтому для выражения многих мыслей им приходится прибегать к русскому языку.

Рассмотрен также механизм триггеринга, достаточно хорошо изученный в исследованиях ПК за рубежом, но никогда не применявшийся по отношению к бурятско-русскому двуязычию. В примере «*Тээд, юун хаам даа* ('ну и, что же это')... там же два кирпичных дома», представляющем собой довольно редкий образец предварительного триггеринга, триггером является слово «кирпичный», которое не имеет ни денотативного, ни сигнификативного эквивалента в бурятском языке и может считаться заимствованием. Дополнительным аргументом того, что здесь действует именно механизм триггеринга, а не бессознательного немотивированного ПК, служит то, что изначально говорящий был намерен выстроить свое высказывание на бурятском языке и успел уже произнести четыре слова на нем. О поисках эквивалента на бурятском языке, наряду с

частицей *теэд*, особенно ярко свидетельствует вопросительное местоимение *юун һамда* 'что же это' и hesitation перед ПК.

Среди субъективных факторов выбора языка рассматриваются четыре фактора: 1) отношение к изучению бурятского языка и представления бурятской этнической общности о важности изучения русского, бурятского и иностранного языков для детей; 2) мнения респондентов относительно их родного языка и причины квалификации того или иного языка в качестве родного; 3) массовые представления относительно связи бурятского языка и бурятской идентичности; 4) прагматические факторы выбора языка.

Исследование показало наличие изменений в общественном сознании бурятской этнической общности – пока на уровне ценностных установок. Незнание титульного языка многими людьми рассматривается как противоречие норме, язык воспринимается как имманентный элемент этнической культуры, а этноязыковой нигилизм, распространенный в 1960-1980-е годы, уходит в прошлое. Тем не менее, отношение к бурятскому языку членами этнической общности заключается лишь в общей позитивной оценке, сопряженной с ностальгией по той утерянной цельной этнической идентичности предков, когда в ней присутствовали все компоненты, в том числе и языковой. Ностальгия тесно связана с идеализацией языка своего народа и отнюдь не влечет за собой реальных мер по его овладению.

Бурятская этническая группа, как и любая другая, не является гомогенным образованием, и релевантность культурных маркеров варьируется внутри группы, как среди разных поколений, так и в зависимости от места жительства. Регионально-локальный фактор, включающий дифференциацию «город – село», имеет решающее значение для выбора языка и его значимости в структуре этнической идентичности.

С точки зрения возрастной дифференциации старшее поколение тяготеет к прошлому, к этнически специфическим формам культуры, включая бурятский язык, причем преимущественно в символическом аспекте. Для молодого поколения больше характерно сугубо рациональное и прагматическое отношение к языку, отсутствие эмоциональной, интимной связи между языком и этнической идентичностью, вследствие чего оно предпочитает игнорировать проблему титульного языка как ситуационно нерелевантную. В отношении старшего поколения бурят, особенно горожан, действует

следующий механизм: регрессивное движение происходит не во всех областях культуры – оно имеет место в религиозной сфере, в соблюдении традиций и обрядов, в повышении этнического самосознания, но практически не затронуло реальную языковую сферу.

Такое речевое поведение имеет несколько мотиваций, ведущими из которых являются *прагматическая* и мотивация *привычки*, или *стереотипа речевого поведения*. Обе мотивации сформировались и приобрели устойчивые формы за годы Советской власти. Тогда же возникла и прагматическая по сути мотивация *престижности*, однако, в отличие от предыдущих, в настоящее время она уже не столь актуальна.

Среди прагматических факторов, вызывающих переключение кодов с бурятского языка на русский, задействованы и такие «традиционные» факторы, как цель общения, коммуникативная интенция говорящего, социолингвистические характеристики адресатов и т.д. Пик действия прагматической мотивации пришелся на послевоенные годы. Тогда многие родители-горожане предпочли русский язык в общении со своими детьми, чтобы облегчить им вхождение в новые социальные условия. Такая мотивировка достаточно распространена, и сходные ситуации описаны в социолингвистической литературе. Своеобразным «побочным продуктом» мотивации прагматического удобства является использование титульного языка как секретного кода для передачи информации, не предназначенной для других слушателей.

Бурятский язык в сознании самой этнической общности имеет статус языка внутриэтнического и практически никогда не используется при контактах между бурятами и не-бурятами. Эту последнюю роль выполняет только русский язык. Следовательно, можно говорить о том, что функция бурятского языка как средства коммуникации сужается, но усиливается его функция как средства этнической солидарности. Если вспомнить, что общинность (клановость) выступает одной из доминант бурятской этничности, то в этом контексте применение титульного языка выполняет символическую и ностальгическую роль маркировки, поддержки и актуализации локально-территориальной этнической идентичности.

По нашим данным, язык не является ни базовым этноидентификатором, ни релевантным маркером этнической идентичности не только для молодежи, но и для бурят в целом, и для большинства респондентов потеря языка не влечет за собой утраты этнической

идентичности. Однако, говоря об этом, следует разграничивать практический (утилитарный) и символический аспекты этой связи. Если в практическом, утилитарном аспекте связь языка и этнической идентичности у бурят носит скорее ситуационный, конструктивистский характер, то в символическом аспекте она трактуется, в первую очередь сельскими жителями, с позиций примордиализма.

Для самого бурятского языка следствием совокупного действия вышеописанных факторов явилось перераспределение значимости выполняемых им функций по сравнению с качественно иными периодами его развития, а именно: коммуникативная функция уступает сегодня место в иерархии функций символической, функция создания и поддержания идентичности также отходит в настоящее время на задний план, в то время как актуализируется функция этнической солидарности.

Анализ взаимосвязи языковой и культуроведческой компетенции представителей бурятского этноса показал отсутствие прямой и однозначной зависимости между ними, причем культуроведческая компетенция бурят выше языковой компетенции. В такой важнейшей для существования любого языка области, как литература, этническая составляющая присутствует в том, что буряты в целом любят и читают бурятских писателей, но в русскоязычном варианте.

Сказанное также подтверждает предположение о том, что язык не является значимым маркером этничности у бурят, и культурный компонент бурятской этничности (и, возможно, не только бурятской) является гораздо более устойчивым, чем языковой, в силу его большей широты, возможности существования в невербальном измерении и, главное, в силу того, что артефакты культуры могут быть выражены на другом – в данном случае русском – языке.

Таким образом, на современную языковую ситуацию и выбор языка в этнической Бурятии теперь действуют два разнонаправленных, но почти одинаковых по мощности вектора: с одной стороны, невысокая ценность этнического языка с точки зрения социальной мобильности интегрированных в российское общество бурят и высокая ценность языка как символа этнической идентичности. При этом данные векторы существуют параллельно и не пересекаются, и есть все основания полагать, что такое положение сохранится и в будущем.

В заключении подводятся общие итоги, формулируются основные выводы исследования.

Основные публикации по теме диссертации

Монографии

1. Хилханова Э.В. Дискурс прессы как объект лингвистического исследования / Э.В. Хилханова. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1999. – 112 с. 7,2 п.л.
2. Хилханова Э.В. Факторы коллективного выбора языка и этнокультурная идентичность у современных бурят (дискурс-аналитический подход) / Э.В. Хилханова. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИИ, 2007. – 205 с. 13 п.л.

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК для публикации основных положений докторской диссертации

3. Хилханова Э.В. Оценочные установки этнической группы как внутренний детерминирующий фактор витальности языка // Вестник Бурятского университета. Сер. 6: Филология. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2005. – Вып. 9. – С. 35-42. 0,6 п.л.
4. Хилханова Э.В. Бурятский язык: условия и причины языкового сдвига // Вестник Бурятского университета. Сер. 6: Филология. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2006. – Вып. 11. – С. 14-23. 0,6 п.л.
5. Хилханова Э.В. Великая история монголов и язык предков как этнические символы у монголов и бурят (на основе сравнительного анализа Монголии и этнической Бурятии) // Вестник Бурятского университета. Сер. 18: Востоковедение. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2006. – Вып. 3. – С. 144-154. 0,6 п.л.
6. Хилханова Э.В. Бурятский язык как этнический символ (по результатам социолингвистического исследования) // Вопросы филологии. – М., 2007. № 2 (26). – С. 37-41. 0,6 п.л.
7. Хилханова Э.В. Этническая идентичность как субъективный фактор коллективного выбора языка: теоретико-методологический аспект / Э.В. Хилханова // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2008. – № 2. – С. 133-140. 0,8 п.л.
8. Хилханова Э.В. Некоторые психолингвистические факторы в механизме переключения кодов (на примере бурятско-русского двуязычного дискурса) / Э.В. Хилханова // Вестник Читинского государственного университета. – № 5 (50). – Чита: Изд-во ЧитГУ, 2008. – С. 102-110. 1 п.л.
9. Хилханова Э.В. Культурно-антропологические факторы коллективного выбора языка (на примере языковой ситуации в этнической Бурятии) / Э.В. Хилханова // Мир науки, культуры, образования. – 2008. – № 5 (12). – С. 62-64. – 0,5 п.л.
10. Хилханова Э.В. Некоторые лингвистические следствия и механизмы переключения кодов в речи бурят-билингвов / Э.В. Хилханова // Вестник

Читинского госуниверситета. – № 6 (51). – Чита: ЧитГУ, 2008. – С. 114-121. 0,6 п.л.

11. Хилханова Э.В. Проблема основного языка при двуязычии и критерии его определения (на примере бурятско-русского двуязычия) / Э.В. Хилханова // Филология и человек. – 2009. – № 1. – С. 61-67.

Статьи в научных сборниках и журналах

12. Хилханова Э.В. Значение, интерпретации и определения понятия дискурса в современной лингвистике / Э.В. Хилханова // Функциональные исследования. Статьи по лингвистике. М., Московский лицей, 1998. – Вып. 6. Библиотека журнала «Русский филологический вестник». Т. 29. – С. 5-14. 0,5 п.л.
13. Хилханова Э.В. О соотношении русского и бурятского языков в Республике Бурятия в современный период / Э.В. Хилханова // Национальный язык: региональные аспекты: сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф. – Чита: Изд-во ЗабГПУ им. Н.Г. Чернышевского, 2001. – С.79-80. 0,1 п.л.
14. Хилханова Э.В. Расизм, дискурс средств массовой информации и язык / Э.В. Хилханова, Д.Л. Хилханов // Природные и интеллектуальные ресурсы Сибири (Сибресурс-7-2001): докл. VII Междунар. науч.-практ. конф., в 2 ч. (Барнаул 17-19 сент. 2001 г.): отв. ред. В.Н. Масленников. Ч.2. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. – С. 96-99. 0,3 п.л. (авторских 0,2 п.л.).
15. Хилханова Э.В. Культура и национальная идентичность (опыт дискурсного анализа) / Э.В. Хилханова, Д.Л. Хилханов // Байкальские встречи – III: Культуры народов Сибири: материалы III Междунар. симпозиума. Т. 2. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКиИ, 2001. – С. 34-43. 0,8 п.л. (авторских 0,4 п.л.)
16. Хилханова Э.В. Бурятский этнос: этническая самоидентификация, культура и язык в современный период российской и мировой истории / Э.В. Хилханова, Д.Л. Хилханов // Санжеевские чтения – 5: материалы науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – С. 25-32. 0,5 п.л. (авторских 0,3 п.л.)
17. Хилханова Э.В. О состоянии и перспективах бурятского языка / Э.В. Хилханова // Проблемы фольклористики, литературоведения и языкознания: материалы регион. науч.-практ. конф. памяти д-ра филол. наук, проф. кафедры бурятской филологии ИГУ Н.О. Шаракишиновой (23-24 ноября 2001 г.). – Иркутск, 2002. – С. 124-127. 0,2 п.л.
18. Khilkhanova E. Language and Ethnic Identity of Minorities in Post-Soviet Russia: The Buryat Case Study / E. Khilkhanova, D. Khilkhanov // Journal of Language, Identity, and Education, 3 (2). – New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 2003. – С. 85-100. 1,7 п.л. (авторских 0,7 п.л.).
19. Khilkhanova E. The Changing Dynamics of Language and Ethnic Identity Link by Russian Minorities: the Buryat Case Study / E. Khilkhanova, D.

- Khilkhanov // *Journal of Eurasian Research*. – Nizhniy Novgorod, 2003. – Vol. 2, № 1. – С. 26-30, 39. 1 п.л. (авторских 0,5 п.л.).
20. Anbari F.T. Cross Cultural Differences and their Implications for Managing International Projects / F.T. Anbari, E.V. Khilkhanova, M.V. Romanova, and S.A. Umpleby // *Pm days '03 – research conference: Management in the Project-oriented Society*. Vienna, Austria, October 29th, 2003 [CD]. 1,1 п.л. (авторских 0,3 п.л.).
 21. Anbari, F.T. Managing Cultural Differences in International Projects / F.T. Anbari, E.V. Khilkhanova, M.V. Romanova, and S.A. Umpleby // *Journal of International Business and Economics*. 2004. – Vol. 2, № 1. – С. 267-274. 0,5 п.л. (авторских 0,1 п.л.).
 22. Хилханова Э.В. Роль государства в современных этнических процессах и положении языков миноритарных этносов / Э.В. Хилханова, Д.Л. Хилханов // *Этнические процессы и традиционная культура*. – М.; Улан-Удэ: ИПК ВСГАКий, 2005 (Сибирь: этносы и культуры. Вып. 9). – С. 196-210. 1 п.л. (авторских 0,5 п.л.).
 23. Хилханова Э.В. Роль интеллигенции в современных этнических процессах / Э.В. Хилханова, Д.Л. Хилханов // *Интеллигенция и нравственность: материалы междунар. науч. конф. (30 июня – 1 июля 2005 г.)*: в 2 т. Т.2. – М.; Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2005. – С. 140-145. 0,6 п.л. (авторских 0,3 п.л.).
 24. Хилханова Э.В. Культурно-национальные различия и их практическая значимость / Э.В. Хилханова, Д.Л. Хилханов // *Россия – Азия: становление и развитие национального самосознания: материалы междунар. науч. конф. (21-24 июня 2005 г.)*. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2005. – С. 33-35. 0,2 п.л. (авторских 0,1 п.л.).
 25. Хилханова Э.В. Язык как субъективный фактор этнической идентичности в современном обществе / Э.В. Хилханова // *Образование, культура и гуманитарные исследования Восточной Сибири и Севере в начале XXI века. Байкальские встречи – 5*. Т. 1. Улан-Удэ, 2005. – С. 350-354. 0,25 п.л.
 26. Хилханова Э.В. Лингвистический активизм и «зеленый» подход в социолингвистике: краткий критический обзор / Э.В. Хилханова // *Язык и культура: Межкультурная коммуникация, лингводидактика [Текст]: материалы межрегион. науч.-практ. конф. (2-3 ноября 2005 г.)*. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКий, 2005. – С. 27-30. 0,25 п.л.
 27. Хилханова Э.В. Язык, культура и этническая идентичность / Э.В. Хилханова // *Семиотика социокультурных процессов: сб. науч. ст.* – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2005. – С. 123-132. 0,6 п.л.
 28. Хилханова Э.В. Этническая идентичность как фактор сохранения языка / Э.В. Хилханова // *Языковая личность в современном социуме (региональный аспект)*. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – С. 11-21. 0,7 п.л.
 29. Хилханова Э.В. Язык и этническая идентичность: современная языковая ситуация в г. Улан-Удэ / Э.В. Хилханова // *Буряты в контексте современ-*

- ных этнокультурных и этносоциальных процессов. Традиционная культура, народное искусство и национальные виды спорта бурят в условиях полиэтничности [Текст]: в 3 т. Т. 1. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКиИ, 2006. – С. 82-88. 0,4 п.л.
30. Хилханова Э.В. О роли и месте языка в структуре этнической идентичности бурят / Э.В. Хилханова // Актуальные проблемы монголоведения (Санжеевские чтения – 6): материалы всерос. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – С. 107-108. 0,1 п.л.
 31. Хилханова Э.В. Коллективный выбор языка и этническая идентичность у городских бурят (по материалам полевого социолингвистического исследования) / Э.В. Хилханова // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии [Текст]: материалы III Междунар. симпозиума: в 3 т. Т. 2 / науч. ред. Р.И. Пшеничникова. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКиИ, 2006. – С. 198-206. 0,5 п.л.
 32. Хилханова Э.В. Теории культурных различий и практика межкультурной коммуникации в бизнесе и образовании / Э.В. Хилханова, Д.Л. Хилханов // Проблемы становления и развития национального самосознания: сб. ст. / отв. ред. В.В. Башкеева [Серия: Русский национальный текст]. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2007. – Вып. 3. – С. 36-41. 0,4 п.л. (авторских 0,3 п.л.).
 33. Хилханова Э.В. Роль этнической идентичности и степени лингвистической ориентированности культуры в витальности миноритарных языков / Э.В. Хилханова, Д.Л. Хилханов // Язык. Миф. Этнокультура: подходы и методы исследования / отв. ред. Л.А. Шарикова. – Кемерово; М.: Российские университеты: Кузбассвуиздат – АСТШ, 2007. – С. 86-92. 0,5 п.л. (авторских 0,4 п.л.).
 34. Хилханова Э.В. Региональная и этническая идентичность в дискурсе СМИ Республики Бурятия // Э.В. Хилханова, Д.Л. Хилханов // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона. – СПб.: Астерион, 2007. – С. 274-283. 0,6 п.л. (авторских 0,5 п.л.).
 35. Хилханова Э.В. Особенности национального самосознания бурят (по материалам полевого исследования) / Э.В. Хилханова // Евразийский фронт: ментальное пространство в русской и монгольской культурах: материалы международ. круглого стола «Европа – Азия». – Улан-Батор, 2008. – С. 81-86. 0,3 п.л.

Учебное пособие

36. Введение в социолингвистику: учеб. пособие / Э.В. Хилханова. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКиИ, 2003. – 89 с. 5,5 п.л.

Подписано в печать 29.04. 09. Формат 60 x 84 1/16.
Уч.-изд.л. 2,05. Усл. печ. л. 2,25. Тираж 100. Заказ № 416.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а

102